людьми Церкви одновременно существовало и сильнѣйшее отталкиваніе, доходившее до взаимной вражды, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безотчетное притяженіе, какая-то близость. Догматически отношенія здѣсь очень просты и ясны. Въ своемъ вѣроученіи Толстой, несомнѣнно, отпалъ отъ Церкви (притомъ одинаково и отъ православія, и отъ католичества, и даже отъ ортодоксальнаго протестантизма). Торжественнаго „отлученія“ могло и не быть, но это само по себѣ ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла [1]). Вѣра въ Христа, какъ Богочеловѣка, въ искупленіе, въ тріипостасность Божества, въ дѣйственность церковныхъ таинствъ и молитвъ, всѣ эти основы церковнаго ученія радикально отвергались Толстымъ и притомъ нерѣдко въ такой формѣ, которая не могла не производить на вѣрующихъ самаго тягостнаго впечатлѣнія. Грубыя и иногда злобныя кощунства надъ предметами православныхъ вѣрованій разсыпаны въ религіозныхъ сочиненіяхъ Толстого, особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи *Царствіе Божіе внутри васъ* и *Воскресеніе*. Конечно, они продиктованы не духомъ любви и терпимости и не могутъ не оскорблять религіознаго чувства людей Церкви. Собственное религіозное міровоззрѣніе Толстого, не играя словами, также трудно назвать христіанскимъ. Не только своимъ упорнымъ и настойчивымъ отрицаніемъ основного вѣрованія христіанства— во Христа, какъ Сына Божія, но и во всей своей религіозной метафизикѣ, въ ученіи о Богѣ, о душѣ, о спасеніи, Толстой остается чуждъ христіанству, и къ послѣднимъ годамъ жизни все дальше отъ него отходитъ. Съ христіанствомъ его сближаетъ только этика, да и то въ своеобразномъ и весьма упрощенномъ истолкованіи, однако въ христіанствѣ этика имѣетъ не самостоятельное, а производное значеніе, подчинена догматикѣ, и, оторванная отъ этой послѣдней, получаетъ совсѣмъ иной смыслъ. Религіозность Толстого

---

[1]) Въ свое время это было превосходно разъяснено Д. С. Мережковскимъ въ его рефератѣ „Левъ Толстой и русская церковь“ (см. въ „Запискахъ религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ“). Здѣсь между прочимъ говорится: „до какой степени я убѣжденъ, что свидѣтельство Церкви о невѣріи Л. Толстого, *какъ мыслителя*, въ христіанскаго личнаго Бога и въ Единороднаго Сына Божьяго, а слѣдовательно, и свидѣтельство объ его отпаденіи отъ христіанства есть истина,—видно изъ того, что многія страницы моего изслѣдованія „Л. Толстой и Достоевскій“, написанныя еще до опредѣленія Сѵнода, посвящены были доказательству этой истины (стр. 68).